

Юлия Комольцева

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ

ТОЛЬКО
ДЛЯ «ЛИТРЕС»

Юлия Комольцева
Не было бы счастья

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Комольцева Ю.

Не было бы счастья / Ю. Комольцева —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

У нее есть только Мицубиси-Лансер, столичные дороги и одиночество. У него – деньги, карьера, большое, веселое и любящее семейство, и... тоска. Однажды их пути пересекаются, но оба не понимают, зачем. Между ними 12 лет разницы, социальная пропасть, недоверие, гордость, принципы, чужие интриги и подлость. А есть ли место для любви? А возможно ли счастье?

© Комольцева Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Комольцева

Не было бы счастья

Глава 1

Джинсы были еще ничего, в некоторых местах даже чистые. Другое дело свитер. Один – повседневный, другой – праздничный, оба со времен царя Гороха, и вся разница в расположении заплат.

Куда, интересно, деньги деваются, а?!

И время. Вот куда пропадает время? Неужели ни одной свободной минутки нельзя выбрать, чтобы единственные джинсы постирать с толком, с чувством, с расстановкой? Бедная девочка, сказал бы папа. Не приспособленная ты, сказала бы мама. Лентяйка и лоботряска, сказала бы Ираида Матвеевна. То бишь, мачеха. Ну и ладно.

Зато Женька вспомнила, куда деньги деваются, и довольно замурлыкала что то себе под нос и прижала крепко к груди ношенные переносные джинсы. Перед глазами возникло зрелище сказочного счастья. Собственная квартира. И бог с ним, с гардеробом то. Чего это она вдруг с утра пораньше расстраиваться взялась? С утра надо радоваться и веселиться. Полюк бабочку танцевать или румбу. На крайний случай, цыганочку с выходом. Чтобы на весь день положительный заряд получить, как рекомендовала мама. А Женька смеялась и уточняла, что тогда будет не положительный заряд, а наоборот – вставательный или плясательный, если хотите.

Вот как.

А до приобретения квартиры осталось совсем немного. Полгодика, а то и меньше. Женька зажмурилась от этой мысли, словно счастье уже слепило глаза. Охо хо нюшки... Сейчас главное решить все таки – который из свитеров будет удостоен чести быть надетым. Праздничный быстро измарается, а стирать некогда. На повседневный же – смотреть тошно, не то, что надевать. Была, не была, подумала Женька, сгребла в одну кучу джинсы и оба свитера и полезла в шкаф, где сиротливо болтались несколько блузок и платье – очень красивое – льняное, с вышивкой, со стильными крошечными кармашками и бахромой на рукавах. Правда, к нему придется надеть туфли на шпильке, а машину водить в них не очень то удобно. Впрочем, кому то другому неудобно, а для Жени, которая за рулем с двенадцати лет чувствовала себя комфортно, ни каблучки, ни «тракторная» платформа проблемой не были. Так что платье она все таки достала и собралась его погладить, как вдруг обнаружила, что утюг не работает. Совсем. Минут пять Женька ждала, что он все таки оживет, но утюг оставался холодным, как айсберг в океане.

– Интересное кино, – протянула огорченно Женька, но мысль ей развить не удалось, раздался стук в дверь.

Женька открыла, не ожидая ничего хорошего. За дверью оказалась тетя Тая, необъятных размеров женщина, втиснутая в цветастую тряпку, которую она выдавала за халат.

– Ну сколько же можно! – возмущенно заколыхалась тети Таина грудь навстречу молодой соседке, – когда же вы, свинтусы, начнете за собой убирать, а? Я ведь и участкового могу пригласить! Плита залита! Пол в пятнах! А в туалете вообще... Паразиты!

Неизвестно почему тетя Тая обращалась к Женьке на «вы». Явно не от уважения.

– Я еще не выходила, Таисия Степановна, – вежливо пояснила Женька.

Да и куда выходить то? С утра в коммуналке было не протолкнуться, это Женька успела за несколько месяцев усвоить. Сначала она попыталась вставать раньше, часиков в шесть. Но тогда из угловой комнаты выскакивала Лерка и орала, что шум воды будит ее драгоцен-

ное дитяtko. Ребенок, видите ли, должен высыпаться! А то, что оно – это самое дитяtko – может полночи горланить, насмотревшись вперемешку с телепузиками «Терминатора» и «Чужих», – Лерку не волнует. Вообще то ее трехлетний карапуз Женьке нравился, но пришлось из за него отменить ранние вставания и валяться в постели до десяти, пока народ не рассосется.

Так что претензии Таисии Степановны были необоснованны. Но убедить в этом соседку Жене не удавалось. Старая склочница никак не желала удалиться и все чего то орала, размахивала руками, колыхала грудями, и конца этому не предвиделось. Женька тоскливо разглядывала лампочку на потолке. Женька все понимала. Она в коммуналке не прописана, а только снимает комнату, и это уже повод для ненависти. Остальные – Лерка с сыном и вечно поддатый папашей, одинокая тетя Тая и пенсионеры Лыткины – живут здесь давно и по праву, и это право ненавидят так же, как Женьку. Потому что надежды отсюда выбраться нет никакой.

Женька подвернулась под руку, вот так то. Даже утюг ни у кого нельзя спросить. Загрызут.

– В общем, давай двести рублей! – подвела итог тетя Тая.

За моральный ущерб что ли? Женька усмехнулась про себя.

– Ну чего вылупилась? Оглохла, что ли?

– Таисия Степановна, я не понимаю, если честно, почему я должна...

– По кочану!

Женька набрала воздуха в грудь.

Нет, сначала ее это даже забавляло. Женька была закаленной, ее тренированная в боях с мачехой психика несколько не страдала от давления соседей. Было весело, а потом – перестало. Ничего приготовить невозможно, потому что все конфорки вечно заняты. В туалет не прорваться – там засыпает пьяный Леркин отец. В коридоре не протолкнуться, потому как у пенсионеров хобби – велосипеды и лыжи, и эти самые атрибуты здорового образа жизни занимают всю прихожую.

Перечислять до следующего утра можно...

Но Женька вспомнила, что еще не выяснила, зачем тете Тае двести рублей.

– Я тороплюсь! – сообщила Женька. – Так что объясните толком. Или просто уйдите с дороги.

– У! – потрясла в воздухе кулаком соседка. – Нахалка! Двести рублей гони, на сансредства.

– На что? – искренне не поняла Женька.

– На порошок, шоб ванну мыть, на туалетного утенка...

– Он не туалетный, ваш утенок, а прямо золотой какой то, – вздохнула Женька.

Если не дать – совсем изведут, а переезжать некуда. Еще свежи воспоминания от поисков жилья. Чур меня, чур, называется. Двести рублей не вопрос, конечно. С одной стороны. Один хороший пассажир – вот тебе и двести рублей. С другой стороны – половина нового свитера или обед в Макдаке. Женька ненавидела Макдак, но надо же было где то есть.

– А может, ста хватит? – решила она поторговаться. Тетя Тая насупилась, готовясь к новому витку скандала.

– Ладно, ладно, – пробормотала Женька и полезла за деньгами, – вот, сто пятьдесят, у меня все равно больше нет.

И вручив купюры, она сильно нажала на дверь. Таисия Степановна кое как была выдворена, но из коридора донеслось ее возмущенное бульканье.

Женька сжала пальцами виски. Платье опять же не поглажено, вспомнилось вдруг. И вся жизнь наперекосяк. Ни тебе утюга нормального, ни собственной кухни, где можно устроиться за столом, уютно подпереть ладонями подбородок и слушать, как поет чайник

на плите, и смотреть в окно, где качаются зеленые волны листвы, и ждать, пока остынет огромный огненный омлет.

Ладно, проехали, как выражается продвинутая молодежь.

Надо работать. Работать – значит сесть за руль и колесить по столице. Но колесить по столице в халате Женька не могла, стало быть, все же нужно надеть платье, шикарное, но мягкое, словно коровой пожеванное.

Досадливо поморщившись, Женя стала переодеваться. В желудке в этот момент что то недовольно заурчало. Пустота, вот что, на которую Женька тоже плюнула, точнее, сглотнула голодную слюну и вышла из комнаты. В коридоре, как водится, на нее упал пенсионерский велосипед. Потирая ушибленные места, Женя взглянула на свое отражение в маленьком зеркальце, висевшем прямо на входной двери.

Да уж! Лицо перекошено, под глазами синяки, которые не может скрыть даже сильный загар, на макушке волосы стояли дыбом. Женька сильно сомневалась, что именно так положено выглядеть двадцатипятилетней, здоровой и умственно полноценной особе. Физиономия в зеркале скорее принадлежит озлобленному подростку, объявившему войну всему миру.

И шикарное платье, наверняка, не скрашивает этот образ.

И что, получается, на это тоже надо плюнуть?

Да, да, да, прокричал кто то внутри нее. Плюнуть и растереть, забыть и не обращать внимания! Имидж ничто, как гласит известный рекламный ролик.

Все остальное тоже лишь мелкие неудобства. И если тебе так хочется из за них биться об стенку и выть на луну, так пожалуйста!

Никто мешать не будет.

В этом все дело. Некому мешать, некому вмешиваться, некому утешить или наорать, что хватит, мол, страдать из за чепухи!

Ты сама решила, что тебе никто не нужен.

Женька кивала, соглашаясь с собственными мыслями, которые назойливым роем вились в голове. Надо бы взять себя в руки. Она зашла в ванную, ополоснула лицо, пригласила волосы и постаралась сделать вид, что ей нравится эта жизнь.

Можно подумать, кому то было интересно ее отношение к жизни...

Ладно, как там... проехали...

Женя сбежала вниз по лестнице, врзалась со всего разгона в тетю Таю, опрокинув содержимое ее мусорного ведра, и, чертыхаясь, вылетела во двор.

– Привет, Шушик, – прижалась она к блестящему боку своего любимого «лансера», – пора за работу, милый.

* * *

Он потянулся, задрал голову вверх, но ничего интересного там не обнаружил. Как, впрочем, и вокруг. Было скучно и мутно, и он бы обязательно заснул, но спать не хотелось, а хотелось избавиться от скомканных, влажных простыней и гибкого тела, которое крепко прижалось к его собственному.

Илья потянулся сильнее, с тайным умыслом спихнуть с себя новообетенную любовницу. Блин. Она все не скатывалась с него, изображая невероятную усталость и необходимость прижиматься к его горячему боку.

– Илюша...

Ее дыхание щекотнуло шею.

– Илюша, ты как? Живой?

Кокетливый вопрос был словно взят напрокат у какойнибудь голливудской звезды, блаженно вздыхающей в койке рядом с другой голливудской звездой.

– Мне бы в душ.

– Я с тобой, – промурлыкала она.

Ну конечно. Все должно быть по сценарию, как это он забыл?

– Рит, давай в порядке живой очереди, а? – почти жалобно попросил он и все таки сдвинул ее с себя.

Она раскинулась на подушках, наблюдая, как Илья Кочетков пытается выбраться из кровати, путается в простынях, чертыхается и размахивает большими, смуглыми руками.

Он ей даже нравился, этот Илья Кочетков. Успешный адвокат с крепкими мышцами, веселым ежиком на голове и нахальными глазами. Сначала он, как водится, сопротивлялся. Они – успешные и крепкие – сразу все просекают, гордо вскидывают чисто выбритые подбородки и надменно проходят мимо. Типа не замечают. Они любят сами решать – с кем, когда и почему. Кочетков Риту в упор не видел, такое случается. Но она умела ждать и вот, пожалуйста, дождалась. Секс в гостиничном номере в разгаре деловой командировки, как бы между прочим, – был только началом. Теперь главное правильно расставить акценты. Ну хочет он в душ один, пусть валит один. Может, у него комплексы. Или просто привычка.

Рита знала, что Кочетков долгое время жил один. То есть не один, но холостяком, и постоянной женщины рядом с ним не было. Так что, мало ли к чему он привык, ей то что за дело?

Надо еще подождать, вот и все.

– Илюш, ты кофе будешь? – спросила она, вскакивая следом за ним.

– Буду, – проворчал он уже у двери в ванную. Черт его дернул с ней переспать! Пил бы сейчас кофе в одиночестве и работал.

Может, выставить ее из номера, а? Мол, побаловались, и хватит. Обычные девушки для «баловства» растворялись, будто сами по себе, и никаких проблем не создавали. Илья даже втайне гордился, что с некоторых пор вполне успешно освоил науку «секс без обещаний и обязательств».

Но вот Рита... Кажется, это тяжелый случай.

Он даже не помнил, когда точно она появилась в их компании. Так, мелькало что то незнакомое с длиннющими соблазнительными ногами и шлейфом каких то неведомых, охмурающих духов. Все время чихнуть тянуло, но он сдерживался и здоровался с ней, незнакомкой, кивком головы. Потом они встречались на совещаниях, и она почему то всегда оказывалась рядом с ним, сидела, покачивая ногой в опасной близости от его колена. А потом случилась эта командировка, и Илья поддался порыву (ладно, ладно, просто инстинкту), когда Рита появилась в его номере, вроде обсудить какие то контракты, в которых она, как свинья в апельсинах.

Вода хлестала по разгоряченному телу, и Илья вроде бы приходил в себя. Втайне он надеялся, что Рита уже догадалась уйти. Невыносимо представить, что сейчас она окажется там же, где он оставил ее, что придется вместе пить кофе, разговаривать, ну и что там еще обычно делают в таких случаях.

Илья принялся лихорадочно растирать спину мочалкой.

Рита в это время рылась на полу в куче одежды, пытаясь отыскать мобильник, который истошно верещал вот уже несколько минут. Оказалось, звонит телефон Кочеткова. Пару секунд она раздумывала, потом решительно нажала кнопку приема.

– Да?

– Илька, что у тебя с голосом?

– Илья в ванной. Ему чтонибудь передать?

Рита постаралась, чтобы эта фраза прозвучала как можно более ехидно. Голос то был женский. Стало быть, у холостяка адвоката все же имеется постоянная пассия, которая называет его «Илькой».

– А вы кто? – удивились на том конце провода.

– А вы? – холодно полюбопытствовала Рита. Получай, пассия, и не выпендривайся.

– Я Илюшина мама, меня зовут Ольга Викторовна, – благосклонно объяснил голос.

Рита перестроилась в считанные секунды.

– Ольга Викторовна, здравствуйте, – пропела она радостно, – как хорошо, что вы позвонили. Илюша мне много о вас рассказывал...

– А вы кто? – повторила Илюшина мама.

– Я – Рита, – как будто смущенно призналась она, – его невеста.

– Невеста?! Правда? Вот это сюрприз! Это же замечательно! Риточка, это так замечательно, что я даже слов не нахожу. Наконец то, господи, наконец то!

В голосе Ольги Викторовны отчетливо слышалось ликование, и Рита даже слегка струхнула. С чего это старуха так обрадовалась? Не чаёт сыночка сбегать в новый брак? Или что?

Насчет невесты Рита соврала машинально, вслепую прошупывая почву. И оказалось, что попала в самое яблочко. Это было так неожиданно и так приятно, что она не сразу сумела сосредоточиться на продолжении диалога. Впрочем, Ольга Викторовна вполне справлялась сама, с необыкновенным воодушевлением что то лопоча на том конце провода.

–..так вы согласны, Риточка?

– Конечно, – не раздумывая, ответила она, решив, что такая покладистость непременно порадует будущую «свекровь».

– Вот и отлично! – пропела Ольга Викторовна. – Значит, мы вас ждем!

Рита попрощалась и быстренько вернула телефон на место. Ее лицо на секунду приобрело мечтательное выражение. Надо же, как все просто оказалось! Мать Кочеткова вне себя от радости и ждет новоявленную невестку в гости.

Ну что ж, можно с уверенностью констатировать, что Ритин талант к импровизации сегодня сыграл на все сто. Хотя импровизировать она всегда опасалась, предпочитая продумывать все наперед.

– Кто приходил? – хмуро поинтересовался Илья, вернувшись из душа.

– Что?

– Мне послышалось, ты с кем то разговаривала... Он остановился в дверях и смотрел на Риту с едва скрываемым раздражением.

– А... Это мне звонили, – легко соврала она и похлопала ладонью по кровати, приглашая Илью сесть. Словно любимую собачку подзывала.

Он, набычившись, покачал головой.

– Знаешь, у нас времени мало осталось. Мне надо просмотреть бумаги до отъезда. Давай потом поговорим.

О чем это он собрался со мной говорить, весело удивилась Рита. Но спорить не стала. Если он хочет, чтобы она ушла сейчас, так и будет. Пусть убедится, как она послушна, пусть увидит, как она все прекрасно понимает. Да и вообще, теперь, когда на ее стороне его матушка, гораздо проще расставить силки. Поэтому можно спокойно вернуться в свой номер и отдохнуть. Она это заслужила, не так ли?

* * *

В большом светлом доме на окраине Москвы стоял трам тара рам. Ольга Викторовна пыталась поделиться потрясающей новостью с домочадцами. Но отец в этот момент искал

свои рабочие штаны, чтобы отправиться в гараж, где его ждали верстак и рубанок. Штаны куда то подевались, и Виктор Прокопьевич на весь дом огорчился этому обстоятельству, двигал стулья, зачем то перекладывал книги на полках, и в итоге потерял еще и очки.

К поисковой экспедиции присоединилась дочь Ольги Викторовны – Марина, – двадцатилетнее, хрупкое создание с томной поволокой в глазах. Толку от нее было мало, потому как она ежесекундно замирала на месте, осененная удачной рифмой к своему очередному гениальному стихотворению. И ей непременно надо было именно сейчас продекламировать пришедшие на ум строчки вслух и услышать одобрения. Умняющая псина Гера тут же вскакивала с нагретого кресла и начинала подвывать, пытаясь таким образом выразить свое мнение. Данька же, – четырехлетний внук Ольги Викторовны, – стараясь переключить внимание присутствующих на себя, принимался гоняться из комнаты в комнату, бодро распевая: «Нас не догонят!»

Нет, совершенно невозможно было рассказать семейству, что у Илюши появилась наконец таки невеста. Ольга Викторовна, вздохнув, решила радоваться в одиночестве. Ей трудно было объяснить, почему женитьба сына так важна. Просто в последнее время Илья казался матери таким замученным и потерянным, просто на лице его так прочно обосновалось выражение недоверия, просто он слишком упорно делал вид, что работа – единственная радость в этой жизни. И еще потому, наверное, что Ольга Викторовна была очень романтической особой и в свои пятьдесят с лишним лет продолжала верить в любовь и в тихое семейное счастье.

Мысли ее уплыли далеко, и на откровенный беспредел, творящийся в доме, она уже не обращала внимания. Но тут на лестнице, кутаясь в длинную пушистую шаль, появилась ее мать.

– Вы меня разбудили, изверги! – прошамкала Ирина Федоровна, с успехом притворяясь немощной старушкой, покой которой был нарушен бесчувственной молодежью.

– Риночка, где мои штаны? – кинулся к ней Виктор Прокопьевич.

– Бабуль, ты только послушай, что я написала! – кинулась к ней Марина.

– Бабрина! Пошли читать! – кинулся к ней правнук и с детской откровенностью добавил: – А то эти чокнутые меня в могилу сведут.

Ольга Викторовна фыркнула от смеха. Гера радостно твякнула в знак солидарности.

– В могилу сведут меня, это точно, – нарочито шаркая тапками, Ирина Федоровна спустилась с лестницы и, продолжая ворчать, нашла мужнины штаны, посверкала глазами в знак восхищения перед новым творением внучки, успокоила Геру и усадила Даньку с книжкой на диван.

– Пора бы тебе, дружочек, читать самому.

– Я буквы забыл. Почти все, – схитрил он.

Ему отлично удавалось брать пример с прабабушки.

– А у меня зрение слабое, – не сдавалась та.

– А я – ребенок!

– А я – старуха!

– Какая же ты старуха? – удивился Данька и зашуршал страницами. – Старухи вон какие, смотри. Беззубые, с проплешинами и в рваных платьях.

– Это баба Яга, наверное, – догадалась Ольга Викторовна, – мам, я Ильке звонила.

– Он же завтра прилетает, чего ты ему опять плешь проедаешь? – недовольно пробормотала Ирина Федоровна. – Разве он без тебя не знает, что нужно мыть руки перед едой и не пить много кофе на ночь?

– Ничего такого я и не говорила! – возмутилась Ольга Викторовна.

– Ты всегда говоришь одно и то же! – отмахнулась мать. – Прямо зубы сводит от тоски.

– Не может быть! Они у тебя вставные! – мстительно фыркнула дочь.

Обе расхохотались, как девчонки.

– Я так не могу! – Данька от обиды заерзал на диване так, что покрывало сбилось в кучку. – Вы меня воспитывать будете, или че? Читай, давай, ба!

– погоди, Данилушка, у бабушки новость есть. – Ольга Викторовна мечтательно улыбнулась и со вкусом произнесла. – Твой папа, кажется, скоро женится.

– Снова на маме? – скривился Данька.

– С чего ты взяла? – строго спросила Ирина Федоровна.

– А я с его невестой только что беседовала по телефону. Уже двадцать минут пытаюсь всем это сообщить, только в нашем сумасшедшем доме разговаривать спокойно невозможно!

Данила аккуратно отложил книжку, медленно, с достоинством поднялся с дивана и скорбно произнес:

– У папы, наверное, кризис этого... срединного возраста. Они с мамой уже женились, получается дважды на одних и тех же граблях! Как говорится, седина в бороду, бес в ребро!

Иногда Даня говорил очень благоразумные вещи, но обычно делал это совершенно не к месту.

Ольга Викторовна, засмеявшись, прижала внука к себе.

– Не бойся, миленький, он не на маме женится, а на другой тете.

– Ты это точно знаешь? – прищурился он.

– Абсолютно!

– Дружок, принеси ка мне, пожалуйста, воды, а? – слабым голосом попросила Ирина Федоровна и, как только Данька выбежал из комнаты, повернулась к дочери. – С чего ты вообще взяла, что разговаривала с Илюшиной невестой? Может, любовница взяла трубку. Не живет же наш Илюха монахом!

– Да она сама мне сказала!

Ирина Федоровна удивленно приподняла безупречные брови.

– Сама? Однако смелая девушка. Но это кажется мне странным.

Еще бы! Интуиция редко подводила Ирину Федоровну. Ее дочь обрадовалась, как ребенок, и, наверняка, даже толком не слушала эту самую «невесту». У Ольги слишком бурное воображение, всегда она придумывает то, чего нет на самом деле. И за словом «женильба» ей сразу видится неземная любовь, кофе в постель, ужин при свечах, куча ребятишек и шумные веселые вечера в кругу «семьи». Что ж, ее можно понять, с Михаилом у них так все и было. Он ее обожал и до свадьбы, и после, а ведь такое встречается очень редко. Наверное, поэтому Ольга после гибели супруга больше не вышла замуж. Даже неудачный брак Илюши не смог заставить его мать разочароваться в своей теории. Она все еще наивно полагала, что надо «искать свою половинку», «прислушиваться к судьбе», «сохранять романтику». Ну и тому подобные прописные истины, которые, – увы! – действуют не всегда и не везде.

Ирина Федоровна была уверена, что все это чушь, и главное – не любовь, не романтические бредни, не жаркие объятия, не шумные ссоры со сладкими примирениями, а умение слушать и понимать. Уважение, вот как. Они с Виктором прожили шестьдесят лет, уважая друг друга.

Это был сильный аргумент, разве нет?

А тут какая то девица сообщает по телефону, что она – невеста. Сообщает это не комунибудь, а матери жениха. И где уважение? Нормальная женщина дождется, пока мужчина сам объявит эту новость родным.

Стало быть, невеста Илюши – не вполне нормальная.

С одной стороны – это хорошо. Она явно впишется в их семью, где одна только Маришка с вечным поиском рифмы чего стоит! Ирина Федоровна умела трезво оценивать и себя, и своих близких. Хоть она усиленно прикидывалась беспомощной старой каргой, дом держался именно на ней, а остальные могли позволить себе всяческие слабости. Илья зарабатывал на всех, но не умел элементарно общаться, хронически уставал и плевал на самого

себя с высокой колокольни. Слабость? Конечно! Марина витала в облаках, едва переползая с курса на курс в Литературном институте, зато писала стихи и считала себя гением. Слабость? Естественно!

Ну и так далее.

Единственный благоразумный человек в семье – Ирина Федоровна. И еще, может быть, Данька.

Теперь вот ожидается пополнение в виде не вполне нормальной невесты. И кто ее знает...

Наверное, Ирине Федоровне удалось бы додумать эту мысль до конца, прислушаться к интуиции или принять какие то меры, но в этот момент в гостиную вплыла Марина с очередным четверостишием, залаяла Гера, приветствуя вернувшегося Виктора Прокопьевича, Даньке удалось прочесть до конца сказку, и он принялся радостно вопить, сообщая об этом, и не унимался несколько минут.

Словом, в доме воцарился привычный кавардак, и новость о предстоящей женитьбе Илюши Кочеткова была благополучно забыта.

Глава 2

– Здорово, братан, – не глядя на нее, сказал рыжеволосый юнец и рухнул на сиденье, – давай ка, дуй во Внуково, насчет лавэ не парься, все будет чики пуки. У меня дружбан сегодня прилетает, так что поколбасимся!

Женька не любила ездить к аэропортам. Мороки было много, и обратно в город обычно приходилось возвращаться порожняком.

А сейчас к тому же вид отвязного юноши не внушал доверия.

Типа круче не бывает. А на деле такие вот супермены сбегали, не оплатив проезд, да еще и прихватывали что нибудь из машины. На память, наверное. Последний раз Женька таким образом лишилась целого пакета еды. Закупились, идиотка, на неделю, всякими йогуртами, полуфабрикатами и еще разорилась на килограмм бананов.

Женька обожала бананы! Только вот несчастным воришкам, должно быть, это было неизвестно.

А ведь казалось бы – «золотая молодежь», двое парней в модных курточках и девочка вся из себя, в коротенькой, но очень натуральной шубке, с дорогим мобильником, словно приклеенным к уху.

Детки при монетках. И всю дорогу трещали, как они терпеть не могут красную икру, как им надоели Канарские острова и всякие там «мерседесы» с личными водителями. Фи, морщилась девочка, это так пошло. Фу, вторили ей мальчики, конечно, пошло!

А с Женькой они не расплатились. Просто вышли, и все. Она выскочила следом, заорала что то. Тогда один из мальчиков вернулся и тихо сообщил, кто у него папа, и что он с Женей сделает, если она сейчас не заткнется.

Она заткнулась от неожиданности. Вся компания, громко и весело хохоча, скрылась за воротами престижного коттеджного поселка. Вместе с ними, как выяснилось, скрылся и Женькин пакет с едой. Это ее добило.

Сначала она просто бегала вокруг Шушика и материлась. Откуда что взялось – и живописные эпитеты, и виртуозные сочетания несочетаемого! Потом Женька села за руль и стала сигналить, намереваясь испортить «детишкам» вечер. Она готова была всю ночь торчать под их окнами, но даже эта жалкая месть не удалась. Вышел охранник и пригрозил вызвать ментов. Так как московской регистрации у нее не было, встречи с правоохранительными органами Женька вовсе не жаждала.

Обидно.

Не в первый и не в последний раз обида опрокидывала навзничь и заставляла дрожать от бессилия.

Зато все чаще Женьке удавалось распознавать пассажиров с первого взгляда. С этим стоит поторговаться, с другим лучше не связываться, третьему можно оставить телефон – он позвонит и сделает выгодный заказ.

Юнец, который сел сейчас в машину, вовсе не внушал Жене доверия, однако она лишь пробурчала что то невнятное ему в ответ и лихо тронулась с места. Даже не спросила, сколько денег заплатит.

Ничему тебя жизнь не учит, сказала бы мама.

Кретинка, сказала бы Ираида Матвеевна.

– Ты побыстрее, шеф! – между тем поторопил рыжий и, откидываясь в кресле, пристынул, разглядев, наконец таки, кто сидит за рулем.

– Баба! – обозначил он свое открытие.

– Не хами! – спокойно ответила Женька, привыкшая к подобной реакции.

– Ну ни фиги себе! – восхитился тот. – А чего это ты того... бомбишь, да? А стрижка такая, чтобы типа этого... шифруешься под мужика, да? Ты бы кепку еще нацепила и очки! Никто бы ни ухом, ни рылом, сто пудов!

Женька фыркнула от смеха. Тинейджер просто потрясал своей изысканной лексикой.

Всю дорогу до аэропорта он доставал ее расспросами, ни на миг не умолкая. Благодаря этому умнику Женин словарный запас значительно пополнился.

– Слушай, ты нас погоди, ладно? – подсакивая от нетерпения, попросил он, когда они заехали на стоянку. – Пусть кореш тоже на тебя глянет! Держи бабки, потом еще дам. Только не едь никуда!

Усмехнувшись, Женька кивнула. В конце концов, какая ей разница?! Пусть уж и «кореш» поглядит!

Она достала из бардачка Булгакова в мягком переплете и отыскивала любимое место: «Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто...»

Мимозы.

Женька отчаянно огляделась. Если бы в аэропорту стоял цветочный ларек, она бы, не задумываясь, купила маленькие сморщенные цветочки. Или астры. Или гвоздики.

Она бы, пожалуй, купила бы черта лысого, лишь бы за ней следом ктонибудь пошел. Вернее, не ктонибудь, а кто то.

Кто то, всю жизнь любивший именно ее.

Иногда одиночество подбиралось особенно близко. И хватало за горло, мешая нормально дышать. Оставалось только в отчаянии хлопать ресницами и немо открывать рот в пустоту.

Хватит. Довольно.

Просто Шушик нагрелся, и внутри стало слишком жарко. Просто этот, как его, кондиционер сломался. Душно очень, и что то давит на грудь. Какие еще мимозы?!

Женя опустила стекло.

– Я же тебе все объяснил! – с досадой произнес рядом мужской голос.

– Дорогой, я не понимаю, что ты так нервничаешь? Я буду вести себя пристойно, – хихикнула в ответ женщина, – тебе не придется за меня краснеть.

Подслушивать было неприлично, и Женька снова уткнулась в «Мастера и Маргариту».

– Дело не в этом! – сердито выкрикнул мужчина.

– А в чем же, милый?

Сосредоточиться не получалось. Женя бросила взгляд в зеркало и разглядела в двух шагах от заднего крыла Шушика длинные ноги, обтянутые стильной кожаной юбочкой. Рядом топтались мужские брюки.

– Не называй меня милым!

Их владелец явно не отличается ангельским терпением, подумалось Женьке.

Раздался писк сигнализации.

– Садись! Я отвезу тебя домой! – сердито сказал мужчина.

– Нет, нет, нет, – дурашливо пропела в ответ его дама, – я еду с тобой, и перестань упрямиться. В конце концов, ты можешь представить меня, как свою коллегу.

– Ты и есть моя коллега! – взревел мужчина.

– И только? – усмехнулась она.

Жене стало жаль обладательницу шикарных ножек. Ее любовник явно из категории подлецов и мерзавцев, не желающих брать на себя ни малейшую ответственность. Девушка уже битых полчаса унижается, а он и носом не ведет. Ни ухом, ни рылом, как выразился бы давешний юнец.

– Знаешь, Рита, мне все это надоело! Я тебе ничего не должен! И ничего не обещал! Мы же взрослые люди, в конце концов!

Выпалив эту тираду, подлец и мерзавец распахнул дверь стоявшего позади Шушика джипа и буквально впихнул туда дамочку. Следом полетело что то вроде бумажника.

– Там документы! Поезжай. За машиной я пришлю когонибудь!

– Ну и оставайся, кретин!

Машина с визгом тронулась с места, а мужской ботинок остервенело саданул по заднему колесу Шушика. Женька лишилась дара речи от возмущения.

– Извини, мужик! – произнес над ухом уже знакомый голос. – День ни к черту! Ты случайно не знаешь, как отсюда к стоянке такси выбраться?

Женя медленно подняла голову и уставилась на нахала.

Тот кляцнул челюстью. В темных глазах нарисовалось изумление, а потом запрыгали смущенные чертята. Видно, им было стыдно за поведение хозяина.

Мгновение Женька смотрела, как чужие маленькие черти сконфуженно виляют хвостами.

– Садитесь, я подвезу вас, – пробормотала она, переводя взгляд на руль.

Ну и дурында же ты, сказала бы мама. Жалость – плохой советчик, сказал бы отец.

* * *

Илья искоса наблюдал, как девушка уверенно вертит баранку. У нее были загорелые руки, ловкие и очень тонкие. Ну да, нынче же в моде худышки, на которых едва держится одежда.

– Вообще то, я не доверяю женщинам за рулем, – зачем то сообщил он.

Она насмешливо хмыкнула.

– Наверное, поэтому вы со мной и едете.

– Я могу выйти.

– Не можете, здесь остановка запрещена. И вообще, вы бы пристегнулись.

Илья передернул плечами.

– Еще не хватало! Высадите меня у метро, – хмуро приказал он, – я хочу до дома живым добраться.

– Вам уже говорили, что вы – хам? – любезно поинтересовалась она.

На этом содержательная беседа прервалась. Какой то лихач на «опеле» попытался подрезать Шушика справа, а Женя была против.

– И откуда ты такой взялся? – нежно удивилась она и ринулась в бой.

Перестроившись на его полосу, она перебросила передачу вниз и утопила газ в пол. Взревели триста восемьдесят лошадиных сил под капотом.

Женька мгновенно почувствовала сумасшедшее ускорение.

– Ну ка, малая, покажи этому чайнику, как ездить надо! – прогремел в голове папин голос.

Идиотская, счастливая улыбка появилась на ее губах. Руки уверенно крутанули руль, и Женя влезла перед «опелем», а потом резко ударила по тормозам. Сзади испуганно взвизгнули покрышки. Мельком Женька увидела в зеркале панику на вытянувшемся лице «чайника».

Удовлетворенно хмыкнув, она снова бросила Шушика вперед, жестко перестроилась и, виляя между машинами, помчалась дальше по МКАДу. Настроение поднималось прямо пропорционально скорости, и Женя, позволив себе плюнуть на ограничения, зашустрила по рядам.

Минуту спустя она вспомнила о пассажире и покосилась на него немного смущенно.

– Вы как?

Его профиль был бледен.

– У вас мания величия? – осведомился Илья небрежно, косясь на ее стриженую макушку.

Угораздило его, блин, сесть в машину к малолетке, которой не терпится доказать всему миру, какая она лихая и отчаянная. Круче только яйца! Об этом вопил ее надменный подбородок и плотно сжатые губы, и ежик на голове, ошетилившийся, как бездомная кошка.

Чертова кукла!

– Почему это?

Илья злобно сощурился. Он совсем забыл, о чем спрашивал.

– Так почему вы решили, что у меня мания?

– А что, обязательно это было делать? Она пожала плечами.

– Нет, но мне очень хотелось. Кстати, мы не договорились о цене. Вы мне еще должны за моральный ущерб. Шушик не любит, когда его пинают.

– Кто не любит? – он повернул к ней изумленное лицо.

Хм, с чего она взяла, что с ним можно говорить о Шушике? И вообще, что за день сегодня такой, все шиворот навыворот! Аэропорты, которые она ненавидела всей душой, юнцы, которым она ни на йоту не доверяла, этот напыщенный индюк, которого она ни с того ни с сего пожалела.

Дурында и есть!

Или это тоска поперла через край? Осталось только поплакаться на свое одиночество в жилетку этому грубияну с чертами в глазах.

– Что вы на меня так смотрите? – насторожился Илья.

Женька вдруг осознала, что забыла о дороге и с ненавистью – совсем необъяснимой – пялится на своего пассажира.

Он был ничего себе, на вид вполне дееспособный клиент. Костюмчик добротный, прическа – волосок к волоску, гладкая, холеная физиономия. И кривая ухмылка – бесплатное приложение к образу солидного бизнесмена, убежденного в собственной этой самой... дееспособности.

Только взгляд время от времени терял выражение пресыщенности и затуманивался тоской. Женька отнесла ее на счет любовницы, с коей он так поспешно и эмоционально простился в аэропорту.

Наверное, теперь опомнился и сожалеет. Грустно ему.

* * *

Илья не решался больше ничего спрашивать у этой странной девицы. Хватит с него и вопросов, и девиц хватит! Рита была последней, так что ставим точку. Это надо же – вбила себе в голову, что он непременно должен ее познакомить со своей семьей.

Зачем?!

Илья искренне не понимал. Она, что, замуж за него собралась, что ли?

Нет, пора заканчивать с этим. Он взрослый мужик, и все про себя знает, так почему снова чуть было не вляпался?! Ведь сразу ясно, что Рита из той же породы, что его бывшая благоверная. Из породы зубастых, пустоголовых, очень хитрых и предприимчивых. Как его угораздило жениться на одной из них – непонятно. Развод был естественным и единственным выходом, но с тех пор Илья усомнился в собственной умственной полноценности. Где, на минуточку, были его мозги, а? Вот правда, какого хрена серое вещество не подсказало ему, что жениться на этой стерве нельзя, никак нельзя! Впрочем, если бы он не женился, было бы еще хуже! Поди разберись...

А теперь – баста! Не хотите по моему, не будет никак. Ариведерчи.

– Тыфу ты, задери твою кочерыжку! – вырвалось вдруг у Женьки.

Перехватив ошеломленный взгляд пассажира, она покраснела.

– Извините, – покаялась Женя, – кажется, колесо проткнули.

– Как вы догадались? – удивился он, словно она сообщила ему, что умеет предвидеть курс доллара.

Она на самом деле его огорошила. Все знакомые дамы, умеющие водить машину, впадали в коматозное состояние, когда выходили из строя дворники. С пробитым колесом они бы, пожалуй, ехали, пока не скатились в кювет. А потом бы принялись причитать и возводить очи к небу, вопрошая у Создателя, что стряслось.

Женька аккуратно притормозила и окинула его возмущенным взглядом.

– Ну вы же определяете, когда с машиной что то не так!

– Я – мужчина.

– Вы – просто баран! – возразила она с досадой. – Выходите. Вон там, за углом метро. Всего хорошего!

Илья нахмурился и проворчал, что куда не пойдет.

– Это еще почему? – мимоходом удивилась она. – Вы же не доверяете даме за рулем.

– Не в этом дело, – отмахнулся он, вслед за ней выходя из машины, – давайте помогу.

Она с усмешкой покосилась на его дорогой костюм. Илья небрежно пожал плечами.

– Мне не впервой. Давайте, давайте, открывайте багажник.

Он решительно закатал рукава. Ворча под нос что то умное в духе времени об эмансипации, Женя все же повиновалась и позволила ему достать домкрат. Пока Илья, присев на корточки, поднимал машину, она пыталась вытащить запаску, вполголоса чертыхаясь и в очередной раз обещая Шушику разобрать хлам в багажнике.

Куда же все таки девается время? Если его не хватает даже на то, чтобы доставить удовольствие любимому «лансеру»?

– Эй, малая, брось ка мне баллоник! Женя замерла.

Баллоник – это баллонный ключ. Ничего сложного. Вот он валяется, между пакетом с дисками и дырявым резиновым ведром.

А «малая» – это Женя. Она должна отнести баллоник папе. Папа меняет колесо, так что без баллоника не обойтись.

Ничего страшного.

Надо просто зажмуриться – сильно, сильно, а потом быстро поморгать. Нехитрый рецепт. Слез как не бывало, и привидения исчезают.

Остается только жизнь, полная боли.

Был бы жив папа, он бы прижал Женьку крепко крепко и прошептал: «Жизнь нормальная штука, если к ней привыкнуть. Привыкай, моя бедная девочка, привыкай». Впрочем, с папой эта самая штука действительно была нормальной. До того момента, когда чужой голос по телефону сообщил, что Александр Мартынов погиб в автомобильной катастрофе. Женя весело хрюкнула в трубку, потому что папа просто не мог этого сделать. Он сто лет провел за баранкой, для него водить машину так же естественно, как ходить пешком. В конце концов, он был профессиональным гонщиком.

И самым лучшим человеком на свете. Он умел все – приготовить обед, погладить Женькино платье с шикарными воланами, украсть ее из школы, так чтобы никто не хватился, угадать, о чем она мечтает, и мчаться на бешеной скорости несколько сотен километров, чтобы показать ей новогодний фейерверк в Москве.

Он учил ее пылесосить, стрелять из рогатки, водить машину. Он заплетал ей косы, когда она ходила в пятый класс, и купил ей парик, когда в десятом она обрилась наголо в знак протеста перед учителями, а потом долго рыдала у зеркала. Он называл ее – малая и

очень баловал. Но если ей не удавалось чисто вымыть машину или решить элементарную задачку по физике, она становилась «Евгенией Александровной», и папа мог ворчать на нее три часа кряду.

Он был занудой.

И самым лучшим человеком на свете.

Вот только с женщинами ему не везло.

Мама не выдержала его темпа, а Ираида, пришедшая ей на смену, села папе на шею и, свесив ножки, следила оттуда за каждым его шагом. Ему приходилось нелегко при таком тотальном контроле, но он вроде бы любил Женькину мачеху. Или просто махнул рукой на любовь.

Дорога была его страстью, дорога и скорость, дорога и ветер в волосах, дорога и горизонт, расстилающийся перед глазами, близкий и такой недоступный.

Папа говорил: «Знаешь, малая, руль, словно спасательный круг. Держишься за него, и уверен, что все возможно. Все в твоих руках».

* * *

Оказалось, он заснул за рулем, закрыл глаза, а дорога вильнула в сторону...

Мачеха сказала: «Судьба», позвала адвоката и стала отвоевывать наследство.

Друзья сказали: «Поможем», отпаивали Женю валерьянкой и коньяком, отвлекали разговорами и рычали на Ираиду, словно надежные дрессированные псы.

Мама сказала: «Ты должна быть сильной!» Она всегда четко знала, что должна ее дочь. Потом она пообещала приехать – «ведь тебе нужна поддержка» – но не приехала. Наверное, из Лос Анджелеса в российскую глубинку добраться было непросто.

Мама не любила трудностей.

Женька же не сказала ничего. В горле прочно обосновался какой-то странный тугой комок, и все слова застревали в нем, и было совершенно безразлично, вырвутся они когда-нибудь на свободу или нет. Еще болели глаза, будто кто-то на них постоянно давил. И, кажется, сердце разучилось биться в положенном ритме, закатилось в неведомую глубину, съезжилось и принялось оттуда монотонно скулить.

«Что еще за ерунда?!», сказал бы папа. И встряхнул бы Женьку за плечи. Но папы не стало.

А саму себя трясти было не удобно.

Кое-как Женька ползла несколько месяцев от «не верю!» до «надо жить!». Через «не могу», «не хочу» и «не буду». Дорога – единственное, что связывало с отцом, – почти бездумная, машинальная потребность двигаться. Инстинкт, если хотите.

Он ее спас, этот самый инстинкт.

Женя уехала на Шушике в Москву. Шушика она очень любила: во первых, это был папин подарок, во вторых, это был настоящий волк в овечьей шкуре. Снаружи ее «мицубиси лансер» выглядел обычной небольшой машинкой, такой невинной штучкой, белой и пушистой. Гладкие бока, коротенькое туловище, буквально скользящее пузом по дороге, мягкие, глубокие сиденья. Лишь острая мордашка придавала Шушику сходство с упрямым подростком, всегда готовым на колкость.

А под капотом билось отважное сердце, скрытая мощь сумасшедшего форсированного двигателя.

В общем, Шушик мог с полным правом считаться истинным борцом и работягой. Женя не знала, что бы без него делала. А так – накопит на квартиру, спрячется там и начнет новую жизнь. Правда, Женька с трудом представляла себе, что это значит – новая жизнь. По крайней мере, звучало очень привлекательно. И ничего конкретного.

Главное – не думать и не вспоминать. И не мечтать, а что было бы, если бы... Это «бы» переворачивало весь мир вверх тормашками.

Так что, виват тебе, новая жизнь в собственной укромной берлоге, куда не доползут боль и страх.

А пока боль находит открытые места и жалит без промаха. Боль говорит голосом незнакомца, но папиными словами.

– Малая, ты что, заснула?

И некуда, некуда от этого деться! А Женька то думала, что надежно укрыта от воспоминаний.

Все в твоих руках, сказал бы папа.

И Женька дрожащими пальцами вытащила баллонный ключ из багажника.

– Вот, держи, – прошептала она и постучала легонько по согнутой спине пассажира.

* * *

Тот резко развернулся и едва удержался на ногах. Взгляд у него был растерянный, словно он увидел вовсе не то, что ожидал.

– Это баллоник, вы просили, – напомнила Женя, тыча ключом ему под нос.

– Да, да, спасибо, – пробормотал Илья. Вообще то, прилаживая домкрат, он напрочь забыл, что возится с чужой машиной. Ему давным давно не приходилось ездить на такси или на попутках, и уж тем более менять чьи то колеса.

И малой он называл сестру.

Обычно они путешествовали вчетвером – бабушка, Данька, Маришка и он. Остальные слишком любили комфорт и предпочитали передвигаться в вагонах СВ или на самолетах. И, разумеется, первым классом.

Данька ездил с отцом просто потому, что редко его видел. И думать об этом не хотелось.

Илья давно научился забрасывать ненужные мысли в самый темный угол сознания. Авось там их никто не найдет и не ткнет его носом в вину. Вот только места для них оставалось все меньше и меньше. Забито было до предела.

Крупные бисеринки на ресницах сына, когда Илья не успевал к новогоднему ужину, забывал о подарке ко дню его рождения, путал имена его друзей, утыкался носом в бумаги, ночевал в офисе, мимоходом трепал черноволосую макушку и уходил, уходил, уходил.

Ожидание в маминых глазах. Сочувствующая улыбка деда. Избалованность сестры. Мудрые, всепрощающие морщинки бабушки.

Дом, в котором он не замечал перемен.

Жизнь, состоящая из миллиона попыток убежать от самого себя.

Впрочем, иногда эта жизнь была очень славной. Если предстояла работа в городке, неподалеку от Москвы, они вчетвером ехали туда на машине и всю дорогу горланили песни.

Данька пел, потому что был с отцом.

Бабушке подпевала, потому что ей нравился вид из окна.

Маринка же мурлыкала от предвкушения, она ехала за новыми впечатлениями, искренне полагая, что дорожные трудности вполне сопоставимы с судьбоносными испытаниями великих поэтов. Она готова была забыть о своей роли неземного, хрупкого создания, присматривать за племянником, договариваться о номере в гостинице, обедать в придорожных кафе, до хрипоты ругаться с парковщиками.

Илья подозревал, что сестра становилась самой собой только в этих поездках.

Не один он прятал ненужные мысли.

Маринка просто выбрала другой метод, делая вид, что красивые сочетания слов интересуют ее больше всего на свете.

И все же, именно она подавала ему баллонный ключ, если приходилось менять колесо. Она, а не эта коротко стриженная девица в длинном мятом платье.

Илья потряс головой, словно упрямый осел.

Что то он упустил из виду.

Сегодняшний день, вот что. Пожалуй, один из самых нелепых дней. Сначала Рита с ее навязчивой идеей, потом собственная бесконтрольная ярость, потом изумление, что он мог так разбушеваться из за ерунды. И бессмысленная выходка с машиной. Зачем, спрашивается, он доверил женщине свой любимый джип? С какой стати? Вдобавок согласился ехать с другой женщиной.

Бред.

– Отойдите ка, – приказала вдруг Женька, первой очнувшись от ненужных мыслей, – вы так до вечера провозитесь.

Ее голос лязгнул откровенной злостью. Илья отодвинулся немного и взглянул на девицу повнимательней. Короткие черные ресницы мелко дрожали, в глазах метался зеленый огонь.

Истеричка какая то!

– У вас важные планы на вечер? – колко спросил Илья, обескураженный ее взглядом.

Девица совершенно не походила на особу, занятую по вечерам чем то интересным. Скорее всего, колесит по городу в поисках приключений, заодно зарабатывает карманные деньги, чтобы доказать родителям, какая она независимая, и как ей наплевать на их миллионы. Что были миллионы, Илья не сомневался. Такая машинка стоит не копейки. И явно девица приобрела ее не на свою зарплату. Мама с папой постарались.

Ничего зазорного.

Но на лбу у богатенькой наследницы было написано крупными буквами: «Я и сама все могу!»

Впрочем, быть может, она не наследница, а любовница. Точнее сказать, содержанка. В свободное время сбегает от спонсора и катается по столице.

А вечерами смиренно слушает его разговоры о бирже, курсе валют, поставках какавы, целует его лысину и мастерски бурно дышит в его объятиях, мечтая поскорее заснуть.

Какая разница?

Илья поднялся и раздраженно потер ладони о брюки. Что за ерунда лезет в голову, а? Магнитная буря, что ли, сегодня? Или еще какая напасть, независящая от людей?

Девица стояла перед ним, высоко задрав подбородок.

Нет, на содержанку она никак не тянет. И росточком не вышла, и форм выдающихся не имеется. И взгляд чересчур самостоятельный, как у голодного, бездомного котенка, до которого никому нет дела, и который изо всех сил изображает, что все ему нипочем. Чешет себе по бульвару, вытянув тощую шею, и прикидывается породистой счастливой киской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.